

Александрова Ольга Валерьевна

**ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД И УБЫТКИ,
ПРИЧИНЁННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА**

В статье проанализированы особенности дореволюционного уголовного и уголовно-процессуального законодательства России в части вознаграждения за вред и убытки, причинённые преступлением. Вознаграждение за вред и убытки отличалось от уголовной ответственности и не имело, в отличие от уголовного наказания, безусловного характера. Автор рассмотрел обстоятельства, ведущие к освобождению от гражданской ответственности подсудимого (обязанность потерпевшего лица доказать, что деяние подсудимого не было совершено под действием требования закона, правительства, в ходе исполнения обязательного приказа или необходимой обороны).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/2.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 15-17. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 34.096

В статье проанализированы особенности дореволюционного уголовного и уголовно-процессуального законодательства России в части вознаграждения за вред и убытки, причинённые преступлением. Вознаграждение за вред и убытки отличалось от уголовной ответственности и не имело, в отличие от уголовного наказания, безусловного характера. Автор рассмотрел обстоятельства, ведущие к освобождению от гражданской ответственности подсудимого (обязанность потерпевшего лица доказать, что деяние подсудимого не было совершено под действием требования закона, правительства, в ходе исполнения обязательного приказа или необходимой обороны).

Ключевые слова и фразы: уголовное право Российской империи; уголовно-процессуальное право Российской империи; исполнение требования закона; исполнение обязательного приказа; необходимая оборона; крайняя необходимость.

Ольга Валерьевна Александрова

Кафедра истории и теории государства и права

Костромской государственный технологический университет

Olyena2005@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД И УБЫТКИ, ПРИЧИНЁННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА[©]

Любое совершенное общественно-опасное деяние, или преступление, содержит в себе элемент причинения вреда и убытков потерпевшему лицу. Вред может выражаться как в негативных моральных последствиях, так иметь и имущественные свойства. Наличие вреда, причиненного преступлением, предоставляло право потерпевшему лицу путем подачи гражданского иска требовать от обвиняемого его возмещения.

Однако уголовно-процессуальный закон России конца XIX века устанавливал, что факт причинения вреда и убытков не предоставляет потерпевшему безусловного права на их вознаграждение. В соответствии со статьёй 684 ч. 1 X тома Свода законов Российской империи такое право возникает только тогда, когда будет доказано, что лицо, причинившее вред и убытки, не было вынуждено к совершению общественно-опасного деяния, которое причинило вред, требованиями закона, правительства, обязательным приказом, необходимой обороной или стечением таких обстоятельств, которые оно не могло предотвратить [2]. Рассмотрим особенности данных обстоятельств, ведущих к освобождению от имущественной ответственности подсудимого.

Из буквального толкования статьи 684 ч. 1 X тома Свода законов следовало, что основанием имущественной ответственности за вред и убытки служит вина лица, причинившего ущерб в имуществе (умышленное деяние или деяние по неосторожности), и в той ситуации, когда отсутствует вина, или где преступное деяние не вменяется в вину, отсутствует и имущественная ответственность за вред и убытки, причиненные этим деянием. Таким образом, наличие таких обстоятельств, как действие по требованию закона, правительства, исполнение обязательного приказа, необходимая оборона или определенное стечение обстоятельств, исключает вину и ответственность за вред и убытки.

В отечественной юридической литературе конца XIX века отсутствовало толкование статьи 684 Свода законов в части таких действий подсудимого, которые были вызваны требованиями закона. Анализ решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по уголовным делам конца XIX века также показал, что данный вопрос не нашёл своего применения и отражения в судебной практике.

Н. Н. Розин в своих лекциях по уголовному праву лишь упоминал, что нельзя наказывать за исполнение того, чего требует закон [4, с. 137]. Поэтому деяние в данном случае считалось правомерным, а причинённые убытки – не подлежащими возмещению. Кроме того, Н. Н. Розин отмечал, что «наше законодательство в данной части урегулировано недостаточно, оно стоит сзади западно-европейского» [Там же].

Л. С. Белогривец-Котляревский также отмечал, что «действие, выполняемое во имя закона, должно носить безнаказанный характер, но при соблюдении трех условий: 1) наличие компетентности лица к предпринятию подобных действий; 2) соблюдение предписанных законом форм; 3) фактическое основание к предпринятию насильственных действий, при этом субъект действовал с возможным в его положении благоразумием» [1, с. 204].

Аналогичную позицию по данному вопросу высказывал Д. Г. Тальберг, указывая на исполнение требования закона или правительства как на основание освобождения от имущественной ответственности гражданского ответчика [6, § 76].

Недостаточно урегулирован отечественным уголовным законодательством конца XIX века вопрос освобождения подсудимого от ответственности при совершении им общественно-опасного деяния в случае исполнения обязательного приказа. Хотелось бы сразу отметить, что ни нормы права, ни юридическая литература конца XIX века не дают точного определения понятия «обязательный приказ», а также не раскрывают его основные признаки. В соответствии с п. 6 ст. 134 Уложения о наказании если лицо совершило преступное

деяние вследствие приказа высшей власти, то вина о наказании смягчается, но деяние при этом остается преступным. При этом любой чиновник может послушаться незаконного приказа вышестоящего начальника, а издавший подобный приказ начальник подлежит взысканию [7].

На основании указанных норм Уложения о наказании Н. Н. Розин в своих лекциях по уголовному праву, а вслед за ним Полетаев и Л. С. Белогривец-Котляревский выделили ряд признаков обязательного приказа, а именно: он должен исходить от лица, обладающего властью, и быть законным по форме [4, с. 140]. Именно данный приказ делает законным деяние лица, его исполняющего, и не составляет состава преступления, несмотря на то, что причиняет кому-либо вред.

Наиболее широко и подробно в юридической литературе и судебной практике конца XIX века освещено такое основание освобождения от гражданской ответственности за вред и убытки от преступления, как необходимая оборона.

Необходимая оборона есть акт противодействия посягательству в различных формах [Там же, с. 146]. Это есть защита себя или других лиц против незаконного нападения [1, с. 208].

Юристы конца XIX века указывали, что, основываясь на принципе психологического принуждения, состояние необходимой обороны влечет невменяемость лица, а следовательно, и ненаказуемость.

Необходимая оборона должна обладать совокупностью характерных признаков:

1) должна являться отражением объективно-противоправного (незаконного) нападения человека. Н. С. Таганцев в Объяснительной записке к Уложению писал о том, что оборона должна быть допущена в любых случаях нарушения права или интересов человека, от кого бы оно ни исходило: от органа власти или частного лица, дееспособного или недееспособного. Необходимая оборона не может считаться таковой против актов необходимой обороны, против осуществления власти дисциплинарной или против исполнения законной должностной обязанности;

2) существование реального (настоящего и действительного) факта нападения и факта защиты в момент нападения;

3) неотвратимость опасности иными средствами, кроме самообороны;

4) материальное содержание посягавшего не играет роли на квалификацию действия потерпевшего как необходимой обороны;

5) необходимая оборона может быть не только личной, но и направленной на ограждение всех, на кого произведено противоправное поведение [1; 3; 4].

Однако превышение пределов необходимой обороны составляет наказуемое деяние.

Спорным в юридической литературе конца XIX века являлся вопрос о влиянии состояния крайней необходимости на освобождение лица от гражданской ответственности за причиненный имущественный и моральный вред. Ряд авторов писали о том, что данное состояние не освобождает от имущественной ответственности лицо, а иные (например, Н. С. Таганцев) высказывали противоположное мнение.

Под крайней необходимостью юристы конца XIX века понимали такое опасное положение деятеля, где его блага могут быть спасены или его интересы осуществлены только путем поражения чужих благ или нарушения иных интересов [4, с. 207].

Для того чтобы деяние подпадало под признаки крайней необходимости, должен соблюдаться ряд условий: наличие реальной опасности, которая должна быть непреодолима и неотвратима; невозможность отклонения последствий иными способами, кроме совершения общественно-опасного деяния.

Нам представляется, что состояние крайней необходимости также должно было освобождать лицо от имущественной ответственности, поскольку устраняло вину лица в совершении деяния. Источником опасности, вызвавшим противоправное действие лица, являются в данном случае объективные обстоятельства, которые иным способом, кроме как совершения преступления, преодолены быть не могут.

Превышение пределов крайней необходимости составляет наказуемое деяние.

Таким образом, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством конца XIX века предусматривался ряд оснований, при наличии которых вменены в вину причинителю вреда совершенного преступления становилось невозможным и даже незаконным, что в свою очередь освобождало его и от гражданской ответственности за причиненные данным «преступлением» вред и убытки. К таким основаниям относились действия лица, совершившего общественно-опасное деяние, в случаях требования закона, правительства, при исполнении обязательного приказа и при необходимой обороне. За исключением совершения преступления при данных обстоятельствах, все деяния должны быть квалифицированы и вменены по общим правилам, при этом влечь законную (гражданскую и уголовную) ответственность. Спорным в юридической литературе конца XIX века остался вопрос об освобождении лица от гражданской ответственности при совершении преступления в состоянии крайней необходимости. Нам представляется, что данное основание также должно являться основанием для освобождения от имущественной ответственности.

Список литературы

1. Белогривец-Котляревский Л. С. Очерки курса уголовного права: общая и особенная части. Киев – Харьков: Русско-книжное издательство Ф. А. Иогансона, 1908.
2. О порядке приобретения и укрепления прав на имущество вообще // Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. X. Книга вторая.

3. Полетаев. Необходимая оборона // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 10.
4. Розин Н. Н. Конспект лекций по уголовному праву. СПб., 1904.
5. Таганцев Н. С. Вознаграждение за вред и убытки, причиненные преступным деянием // Таганцев Н. С. Уголовное право: общая часть / по изданию 1902 года. СПб., 1902. Ч. 2.
6. Тальберг Д. Г. Гражданский иск в уголовном суде, или Соединенный процесс. Киев: Типография В. И. Завадского, 1888.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / сост. Н. С. Таганцев. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882.

**LIABILITY DISCLAIMER FOR CRIMINAL INJURY AND DAMAGES IN CRIMINAL AND CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA AT THE END OF THE XIXTH CENTURY**

Ol'ga Valer'evna Aleksandrova
Department of State and Law History and Theory
Kostroma State Technological University
Olyena2005@yandex.ru

The author analyzes the features of pre-revolutionary criminal and criminal procedure legislation of Russia in a part of the compensation for injuries and damages caused by crime, mentions that compensation for injuries and damages differed from criminal liability and unlike criminal punishment did not have peremptory character and considers the circumstances that led to the release of a defendant's liability (the obligation of an injured to prove that a defendant's act was not committed in terms of the claim of law or government or during mandatory order execution or justifiable defense).

Key words and phrases: criminal law of Russian Empire; criminal procedure law of Russian Empire; law requirements execution; mandatory order execution; justifiable defense; extreme necessity.

УДК 94(470)

В статье рассматриваются общие черты и особенности крестьянского «вилочного восстания» в Поволжье в 1920 г. Обосновано утверждение, что данное восстание являлось стихийным крестьянским протестом, порожденным политикой военного коммунизма.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; власть; протестное движение; восстание; политика военного коммунизма.

Петр Федорович Алешкин, к.и.н.

Общероссийский молодежный журнал «Наша молодежь», г. Москва
aleshkin@list.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРОТЕСТ В ПОВОЛЖЬЕ: «ВИЛОЧНОЕ ВОССТАНИЕ»[©]

В январе-марте 1920 г. в уездах Казанской, Уфимской, Самарской, Симбирской губерний прокатилась волна одного из самых мощных крестьянских восстаний на территории Советской России в годы Гражданской войны, названного современниками «вилочным» (*вилы – оружие повстанцев*), или «восстанием Черного Орла и земледельца» (так подписывались воззвания штаба повстанцев). В феврале-марте 1920 г. оно охватило территорию, где проживало около 3 млн крестьян. Армия восставших крестьян достигала 35 тыс. человек [3, с. 755].

По масштабу, числу участников и ожесточенности его можно сравнить с антоновщиной. Так же, как и «чапанная война», «вилочное восстание» стало масштабным протестным явлением – реакцией крестьянства прифронтовой полосы районов Среднего Поволжья и Урала, освобожденных от власти Колчака летом 1919 г., против проводимой там с осени того же года продовольственной политики большевиков. Если в конце 1918 г. – начале 1919 г. основная тяжесть продразверстки легла на уезды Казанской, Симбирской и Самарской губерний, освобожденных от власти белых осенью 1918 г., то в конце 1919 г. эта участь постигла Уфимскую губернию, большинство населения которой составляли татары и башкиры. Продорганами Советской власти удалось заготовить в Уфимской губернии из урожая 1919 г. 15 млн пудов зерна. В 1920 г. среди всех губерний и областей РСФСР она заняла второе место по количеству сданного государству хлеба.

Продразверстка была произведена без учета огромного урона, который понесли прифронтовые районы от военных действий, реквизиции рабочего и продуктивного скота белыми и красными войсками, убыли мужского населения в ходе мобилизаций. Основным средством выполнения продразверстки стали принуждение и насилие. Хлеб выгребался подчистую, без учета продовольственных нужд населения. Реальная угроза голода подтолкнула тысячи татар, башкир, русских, крестьян других национальностей Уфимской, Казанской и Самарской губерний на открытое массовое стихийное восстание. Огнем восстаний в Уфимской губернии полыхал Мензелинский уезд: Анташевская, Старо-Кашировская, Новоспаская, Ерабашиная,